

Мария Малакеева

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ (Н. Я. Агнивцев)

Многим знакома книга Агнивцева «Блистательный Санкт-Петербург» и эти строки:

В моем изгнании бесконечном
Я видел все, чем мир дивит.
От башни Эйфеля до вечных
Легендо-звонных пирамид.

И вот, «на ты» я с целым миром!
И, оглядевши все вокруг,
Пишу расплавленным Ампиром
На диске Солнца – «Петербург».

Когда-то песни на стихи Николая Агнивцева исполнял Александр Вертинский. И сейчас эти стихи читают с эстрады, проводят посвященные поэту вечера. Но едва ли многим знакома личность поэта.

Статья Ольги Борисовны Кушлиной об Агнивцеве в словаре «Русские писатели. 1800 – 1917»¹, с которым нас познакомили на занятиях Юношеского факультета Университета Петербурга, вызвала у меня особенный интерес к личности и судьбе Николая Яковлевича.

События 1917 года внесли в его жизнь необратимые перемены: он не прижился в новой России; не обретя себя за границей, вернулся в 1923 году в Петроград, но переехал вскоре в Москву, где и скончался. Что выгнало его из России, что звало обратно?

На фотографии в биографическом словаре лицо улыбается, шапка-ушанка сдвинута на затылок, бабочка возле воротника полузастегнутой странной шинели... О чем говорит этот ласковый взгляд?

Летом я работала в Пушкинском доме, в рукописном отделе: нумеровала странички прошений литераторов и членов их семей о денежном пособии или пенсии. Не помню, скольких листов коснулась моя рука, но помощь моя была вознаграждена: я получила возможность знакомства с документами, тесно связанными с моим поэтом.

Картотеки покойного ныне Анатолия Дмитриевича Алексева (в прошлом сотрудника Пушкинского дома) указывают под фамилией Агнивцева все его стихи, напечатанные в журналах России (ок. 300 карточек), газетные публикации (здесь карточек несколько меньше) и всего в 20 – 30 карточках – эмигрантские издания.

В результате моей работы по систематизации этих данных появилась таблица стихов Агнивцева, напечатанных в 1908 – 1920 годах. Оказалось, что за эти годы Николай Яковлевич напечатал 362 стихотворения в 34 периодических изданиях, среди которых важное место занимали петербургские издания: газета «Биржевые

¹ Русские писатели. 1800 – 1917: Биограф. словарь. Т. 1. А – Г. М., 1989. С. 23.

ведомости» – 67 раз (из них 46 – в 1912 году), журнал «Двадцатый век» – 62 раза, журнал «Сатирикон» – 47 раз (из них – 29 раз в 1913 году), журнал «Солнце России» – 52 раза (из них 28 раз – в 1913 году).

1912 – 1916 гг. – годы особо активного сотрудничества Агнивцева в периодических изданиях; так, в 1914 году количество напечатанных стихотворений достигло восьмидесяти девяти.

При сравнении стихотворений, вошедших в сборники и напечатанных в периодике, стало понятно, что Агнивцев не любил повторяться: стихотворение выходило или в газете (журнале), или в книге.

В рукописном отдела Пушкинского Дома удалось также найти 5 стихотворений поэта, не опубликованных ранее и его фотографию, вклеенную в чей-то альбом. Находки пополнились данными из анкеты Агнивцева и двух его прошений в Литфонд: в одном из прошений значились два ранее не известных псевдонима – Н. Бояров и Н. Перичин, а под каждым из прошений (одно за 1911 год, другое – за 1913) беглым почерком Агнивцева был написан его адрес: Екатерининский канал, д. 59, кв. 22 (экскурсоводы почему-то указывают д. 61).

Екатерининский канал – удивительное, непредсказуемое место. Черная витая решетка, сковывающая канаву (так в старину называли канал), опадающая листва на потревоженной ветром поверхности воды, высокие серые стены угрюмых домов – таинственный Петербург Достоевского. Как могла сочетаться эта унылая картина с «Блистательным Санкт-Петербургом»? Так началось мое путешествие по адресам, обнаруженным в документах.

Со стороны канала в доме № 59 была всего одна парадная, на дощечке с номерами квартир квартиры 22 не было. Во дворе – подъезд в углублении, напротив – еще одна ниша в стене, мрачная и безжизненная. Я стала робко подниматься по ступенькам; лестница была светлая (на каждом этаже – окно), но узкая и крутая. На четвертом или пятом этаже я нашла квартиру 22 – на двери не было ни таблички с фамилиями съемщиков, ни других примет прошлого.

Я спустилась вниз, бросила последний взгляд на входную дверь, на типично петербургскую трубу рядом с парадной... Эта труба навеяла мне грустные мысли: вот идет дождь, из трубы фонтаном хлещет вода, стены мокрые, как будто плачущие. Мне показалось, что такой вот тоскливой была временами душа Агнивцева: та часть его души, о которой никто не знал, которая раскрывалась только здесь, у рыдающей водосточной трубы.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) я нашла план дома на Екатерининском канале, принадлежавшего капитану Д. Н. Корсакову (проект 1871 года)². Дом удивителен, похож на сказку. Проектов по его перестройке было множество. Хотели даже сделать его семиэтажным, но что-то помешало (может быть, революция). Хозяев тоже было немало, и каждый стремился благоустроить, улучшить, украсить. Кто-то пристроил громаду эркера, навсегда уничтожив былую красоту. С годами дом почти не изменился. Только погрубел за годы и обветшал, пропали узорная парадная дверь и деревянные ворота для въезда карет и подвод.

В январе 1998 года вышла книга Ефима Куферштейна «Странник нечаянный». На данный момент это первый известный мне труд, посвященный Николаю Яковлевичу Агнивцеву. Из него я узнала, что в доме 59 по Екатерининскому каналу поэт жил в 1914 – 1915 годах, а в 1916 – 1917 годах – на Бармалеевой улице, 3. Второй адрес был для меня открытием.

² ЦГИА СПб. Оп. 102. Д. 3268. Л. 20 – 21, 37 – 38, 45.

На Петроградской стороне, на Бармалеевой улице, в обыкновенный для нашей зимы день, когда все, что вчера приморозило, сегодня тает, вместо нумерации домов оказались лишь таблички «1 – 3» и «3 – 1» на двух углах квартала, причем между этими табличками помещались четыре дома.

В ЦГИА СПб. проблема с двумя домами на Бармалеевой улице под номером три разрешилась: первоначально по проекту на участке было два дома – угловой дом и соседний с ним, которые и значились под одним номером (видимо, номера присваивались по владельцам участков, а не по количеству построек)³. Сменялись владельцы, но сами дома внешне не изменились, лишь в 1913 году по указанию нового хозяина ко второму дому был пристроен помпезный подъезд. Номера так и не поменяли.

Много неизвестного хранило в себе и студенческое дело Агнивцева⁴. Теперь мы знаем имена родителей поэта. Николай Яковлевич Агнивцев родился в Москве, когда отец, Яков Андреевич, окончил Московский университет в звании «действительного студента». Мать звали Еленой Эдуардовной. Крестили ребенка на шестой день от рождения, 26 апреля 1888 года, о чем сохранилась копия записи в метрической книге. Восприемниками были генерал-майор Иван Никитич Попов-Азотов и дочь его, вдовица, Ольга.

В 12 лет Николай Агнивцев поступил в Усманскую гимназию, где проучился один год, затем перешел во Владивостокскую, в связи с новым назначением отца в 1901 году. После шести лет во Владивостоке – Москва, 2-я Московская гимназия. Спустя полгода – снова Дальний Восток, полтора года в Благовещенской гимназии, где, наконец, в 1906 году, в самый разгар революционных событий, получено свидетельство об окончании гимназии.

В июле 1906 года Агнивцев приехал в столицу, где поступил в Петербургский университет на юридический факультет (надо заметить, что в книге Е. Куферштейна указан историко-филологический факультет; Агнивцев туда перешел позднее).

Отец Николая Яковлевича, служивший в то время в Якутском суде, видимо, не был поставлен в известность о выборе факультета, т. к. 15 сентября 1908 года послал в университет телеграмму с просьбой ответить, на каком факультете учится его сын. Если вспомнить данные картотеки А. Д. Алексева, то именно в 1908 году Агнивцев послал свое стихотворение «Родной край» в газету «Весна». Дебют состоялся: в той же газете в том же году увидели свет еще три стихотворения начинающего поэта.

15 июля 1909 года Агнивцев, проживавший в то время по Б. Зелениной, д. 16, кв. 110, обратился с прошением на имя ректора о переводе его на историко-филологический факультет, что и было ему разрешено. Но вскоре он попросил об увольнении из университета (Прошение от 21 марта 1911 года; обратный адрес: Съезжинская улица, д. 19, кв. 59). 31 марта поэта уволили как не внесшего плату за весеннее полугодие 1910 года. 21 сентября свидетельство об увольнении было готово. Архивные разыскания на этом закончились, а путешествие по адресам возобновилось.

От Бармалеевой улицы Большая Зеленина и Съезжинская недалеко, почти рядом. До Университета всего 30 минут ходьбы, чтобы сэкономить деньги на извозчике. Квартиры – на верхних этажах в шестиэтажных доходных домах, следовательно – плата минимальная. Лестницы темные, неприветливые, похожие, как сест-

³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 2. Д. 7334. Л. 24.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45657.

рицы. Ну, а расположение подъездов вообще не отличишь: та же труба, те же мертвые окна, выемка в стене, тот же двор-колодец, та же низкая арка при входе во двор. Ничего, казалось бы, не вдохновляет.

Но как раз эти вороньи слободки – самые характерные места для Петербурга. И кажется, нет ничего веселее, чем пробежаться по высоко идущей лестнице, ища вверху небо, взглянуть на прохожих из узкого окна и почувствовать полет тела и мысли.

Только здесь могли рождаться удивительные стихи Николая Яковлевича Агнивцева.